

ИЋТР ЛОНАТОРСКИЋИ

БРАТ МОЈ

Петр Лопатовский

Брат мой

«Автор»

2026

Лопатовский П.

Брат мой / П. Лопатовский — «Автор», 2026

Фёдор - простой курьер и человек с трудной судьбой. Он получает очередной заказ и отправляется в отдаленный коттеджный поселок. Этот визит, предвещавший стандартное завершение рабочей недели, оборачивается для него настоящим кошмаром. Фёдор обнаруживает, что оказался в западне. Дом, в который он приехал, превращается в смертельную ловушку, устроенную его безумным хозяином - наследником влиятельного олигарха. Теперь единственная задача Фёдора — выжить. Чтобы вырваться из коварных лап маньяка, ему предстоит пройти не простое испытание, а целый квест. Единственный способ выбраться из ужасного дома - разгадать истоки безумия, терзающего наследника. Для этого Фёдору придется погрузиться в мрачные тайны семьи олигарха: отца, рано ушедшей матери, двух братьев и девушки вставшей между ними. С каждым новым фактом, с каждой новой деталью он понимает: безумие наследника — не случайность, а закономерность. Вопрос только в том, успеет ли Фёдор разгадать эту историю — или станет очередной жертвой.

© Лопатовский П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Петр Лопатовский

Брат мой

Глава 1

Федор Айгашев был наполовину русским, наполовину якутом. Окончив школу с золотой медалью в своем маленьком сибирском городке, он приехал покорять столицу нашей Родины. Айгашев, высокий, всегда опрятно одетый, но в то же время сутулый, с вечно взлохмаченными волосами, и в жизни был противоречив, как его внешность. Он легко чем-то увлекался, достигая в выбранном предмете неплохих результатов, но потом так же быстро его бросал, переключившись на что-то новое. Его ум был слишком живым и непостоянным, чтобы дать возможность Айгашеву добиться успеха в точных науках. Поэтому он решил сосредоточиться на гуманитарной сфере. Фёдор без особых проблем поступил в Московский университет на факультет журналистики. Ко всему прочему он увлекался музыкой и литературой. Это были его две маленькие страсти. Если в книгах он искал вдохновения, учился стилю и находил ответы на сложные вопросы, то в музыке Фёдор ценил виртуозность исполнения и смелость замысла. Так что его часто можно было встретить в столичных джазовых клубах. На учебе эти его увлечения сказывались, скорее, положительно и несколько не отвлекали. По итогам второго курса можно было с уверенностью говорить о блестящем будущем Федора Айгашева. Его статьи и эссе, которые он писал, часто ради забавы, о студенческой жизни, приводили его сокурсников в восторг и заставили обратить на него внимание даже декана факультета. К сожалению, путь к успеху всегда тернист и полон опасностей. Ряд обстоятельств и гены отца-якута сыграли с Федором коварную и злую шутку. На третьем курсе он поселился в общежитии с ребятами веселого, гусарского нрава. Загулы до середины ночи у них никогда не прекращались, а водка и шампанское лились рекой. Не любивший шумных компаний и, по характеру, домашний человек, Фёдор сторонился своих соседей, и это их задевало. И, конечно, создавало барьеры к осуществлению их планов. Сначала в ход пошли уговоры и применение мягкой силы, но потом главным оружием стала лесть и превозношение таланта Айгашева. Фёдор, и надо отдать ему должное, долго сопротивлялся искушению, но в конце концов сдался. В отличие от новых приятелей, его организм не был готов к таким нагрузкам и быстро стал разрушаться. Позже он часто вспоминал тот день, который стал последним для его амбиций. День, когда он прошел точку невозврата.

Комната качалась. Не то чтобы плыла перед глазами — нет, она именно качалась, как палуба старого фрегата в восьмибалльный шторм. Айгашев сидел на продавленном матрасе в вырезвители, привалившись спиной к холодной стене, и пытался вспомнить, как сюда попал. Вспоминалось плохо.

Кафель на полу был выложен квадратами — белыми и бледно-голубыми, больничными. Где-то над головой гудела лампа дневного света, мерно и равнодушно, словно звук работающего проектора в пустом кинозале. Фёдор закрыл глаза, но качка не прекратилась — наоборот, усилилась. Внутри, где-то в солнечном сплетении, жила глухая, ноющая боль, похожая на похмелье, умноженное на стыд, а стыд — на отчаяние.

— Вчера. Или позавчера. Или, может быть, всё ещё сегодня. Да, всё-таки сегодня.

Он помнил только обрывки: чьи-то крики в коридоре общежития, разбитое в окне стекло, собственное лицо в зеркале лифта — бледное, с чужой ухмылкой. Соседи, Колян с Пашей, хлопали его по плечу, что-то кричали про «день свободы». Он вспомнил, как ещё год назад писал курсовую, засиживаясь в библиотеке до полуночи. Как недавно звонила мать и радостно

спрашивала: «Ну как ты там, сынок? Как учёба?» А он врал, что всё отлично, что стипендию повысили, что преподаватели хвалят. На самом деле стипендию уже три месяца не платили.

— Эй, студент! — дверь с грохотом открылась, и на пороге возник дежурный — грузный мужик с лицом, напоминающим кусок сырого мяса. — Трезвеешь? Хорошо, через час выпускаем. Иди умойся.

Фёдор кивнул, хотя кивать было больно. Шею ломило, затылок отзывался тупой пульсацией. Он кое-как поднялся, сделал два шага к умывальнику — и остановился. Над дверью, в металлической сетке, висел старенький радиоприёмник. Оттуда, сквозь шипение и треск, пробивался ровный, бесстрастный женский голос диктора:

«...комментировать случившееся отказался. Напомним, вчера вечером на Кутузовском проспекте было обнаружено тело двадцатитрёхлетнего молодого человека. По неподтверждённым пока данным, это сын председателя совета директоров корпорации „Восток-Холдинг“ Григория Шадрина. Вероятной причиной смерти стало самоубийство. Подробности не сообщаются. Следственный комитет...» Фёдор замер.

— Шадрин?

Он что-то слышал о нём. Кажется, от девочек с курса. Тот, о ком часто писали в глянце-вых журналах: золотой мальчик, наследник многомиллиардной империи, красавчик с обложки, выпускник Королевской академии в Лондоне. И этот мальчик — золотой, блистательный, с будущим, расписанным на десятилетия вперёд — покончил с собой. Радио продолжало шипеть. Диктор перешла к прогнозу погоды: «На следующей неделе в столичном регионе ожидается похолодание...». Фёдор отвернулся от умывальника и медленно сполз по стене обратно на матрас. Руки тряслись — не от похмелья. Внутри поднималось что-то тёмное, тяжёлое, незнакомое. Не жалость — нет. Не сочувствие. Что-то другое. Он смотрел на свои ладони — грязные, с обкусанными ногтями. Вдруг с остротой, почти физической, он ощутил, как безмерно он далек от этого парня, от мира, в котором тот пребывал. И как мало между ними хоть чего-то общего. Правильнее сказать — ничего. Их пути лежали на разных, не пересекающихся плоскостях бытия. Этот баловень судьбы, богатый и знаменитый, сам выбирал, какой его шаг будет следующим. А Фёдор, которого через час выпустят на улицу с остатками перегара и сломанной судьбой, — он что выбрал? Он вообще выбирал? Или его уже давно несло по течению, как щепку, с каждым днём приближая к водопаду? Кто определял его шаги? Соседи по обществу. Пьянки. Загулы. «Фёдор, давай, ещё по одной, за тебя!» И он не отказывал. Потому что хотел быть «своим». Потому что легче было взять рюмку, чем сказать «нет». Фёдор провёл языком по растрескавшимся губам. Шадрин-младший, наверное, тоже не сказал «нет», когда это было нужно. Или пошёл у кого-то на поводу и не понял, куда его ведут. Или понял, но слишком поздно. Так что было у них кое-что общее.

Айгашев закрыл лицо руками. Плечи его затряслись — не от плача, от какой-то судорожной, беззвучной дрожи, похожей на озноб. Лампы над головой гудели всё так же равнодушно. Дежурный сунул голову в дверь:

— Эй, студент! Ты чего? Воды принести?

Фёдор поднял голову. Глаза были красными, но сухими.

— Нет, — сказал он чужим, хриплым голосом. — Не надо.

Он встал. Подошёл к умывальнику, долго смотрел на своё отражение в мутном, исцарапанном зеркале. Щетина, синяки под глазами, впалые щёки. Открыл кран — вода рванулась ледяная, с ржавым привкусом. Набрал в пригоршни, плеснул в лицо. Раз. Другой. Третий.

— Всё, — сказал он тихо, сам себе. — Это конец.

Он не знал, почему так сказал. Но внутри, в том самом месте, где всё ещё жила его гордость, вдруг что-то щёлкнуло. Переключилось. Фёдор вытер лицо рукавом, взял с тумбочки свой студенческий билет, который станет недействительным через пару дней, и вышел в коридор. Дежурный что-то крикнул вслед, но Фёдор не расслышал.

Айгашева отчислили из университета за неуспеваемость и за несколько приводов в милицию. Очень быстро он стал жертвой своих новых привычек, и вскоре его жизнь превратилась в сплошную череду запойных вечеров. Его знакомые по университету пытались помочь ему, отправляя на лечение, но это не дало результатов. Один из приятелей Айгашева, Борис, который, в отличие от многих, не махнул на него рукой, привел его к очень хорошему врачу. Доктор назначил ряд обследований, после которых пообщался с Фёдором. Наконец он позвал его и Бориса в кабинет, чтобы вынести свой вердикт.

— К сожалению, медицина тут не поможет. Его болезнь сидит вот здесь, — профессор постучал себя пальцем по лбу, — очень глубоко. Она уже часть его сознания.

— Может, есть какие-то варианты? — спросил приятель Фёдора.

Врач снял очки, потёр переносицу.

— Лет пять назад у меня был пациент — молодой человек родом из одной северокавказской республики. Он тоже страдал от зависимости, правда, не алкогольной. Ни клиники, ни курсовая терапия не помогли. Уже через пару недель всё возвращалось на круги своя. Тогда два старших родственника этого парня посадили его в машину, и не факт, что в салон, и отвезли в один высокогорный аул. Там они посадили его в яму. Не стану вам описывать, что испытал тот молодой человек, сидя под открытым небом в вырытом в земле колодце. Это вряд ли вам не понравится. Но через двадцать три дня, когда его достали, он был исцелён от своего недуга. Столичная жизнь, деньги, которые ему давал отец, доступные удовольствия сделали его мягким, как пластилин, и не способным собой управлять. Но после тех дней он вернулся в своё, так сказать, агрегатное состояние.

— Что-то я не понимаю доктор, вы предлагаете посадить Фёдора в яму? — удивлённо и с некоторым вызовом спросил Борис.

— Ни в коем случае. В отличие от того парня, Феде это не принесёт никакой пользы. Скорее всего, его организм выдержит, но когда всё закончится, болезнь усилится. В нашем случае нужен короткий, но мощный импульс, который разбудит его мозг. Заставит работать мысль, обострит внимание и вернёт Федю обратно за ту черту, которую он так неразумно перешёл. Тогда он сможет справиться. Проблема в том, что такой импульс может как его спасти, так и убить.

— И что же делать?

— Я уже всё сказал. Штука в том, что наш больной должен верить в своё исцеление и желать его не меньше, чем его друзья. Я видел людей практически парализованных, которые начали вставать и ходить, только за счет своей воли и веры в исцеление. Без этого, они остались бы прикованными к кровати до конца своих дней и никакие препараты, и самые современные методы лечения их бы не спасли. Вы, молодой человек, сделали всё, что было в ваших силах. Теперь дело за ним, — и доктор указал на смиренно сидевшего на стуле Айгашева.

Глава 2

Однако, как и говорил профессор, разум Фёдора крепко спал и не собирался пробуждаться. С тех пор минуло семь лет, и Айгашев, некогда мечтавший о великом будущем, тихо существовал в городе Серпухове, работая на одном из промышленных предприятий. Однокомнатная квартира в старой панельной девятиэтажке, в которой он жил, досталась ему от бабушки по матери. К своему счастью, продать это скромное наследство по разным юридическим причинам Фёдор не мог. Он не оставил своего пагубного пристрастия, но научился пить так, чтобы не потерять единственного, хоть и скромного, источника дохода, работая сутки через трое. Его тихая жизнь проходила в серых буднях, и он лишь изредка вспоминал о студенческих годах, когда у него была возможность реализовать свои таланты и мечты. С расцветом курьерской службы Фёдор увидел в ней шанс пополнить свой скудный бюджет. На постоянную работу его, разумеется, не брали, но отдельные заказы он всё же получал. И, так как выполнял он их чётко и без жалоб клиентов, работодатель был им доволен.

Осень в этом году выдалась хмурой, словно обиженной на что-то. Окна пункта выдачи посылок запотевали уже к десяти утра, и сквозь мутное стекло почти ничего не было видно — только серая пелена дождя, который то начинался, то затихал, но никогда не прекращался окончательно. Айгашев вошёл внутрь, стряхивая с плеч куртки крупные, холодные капли. В лицо ударило теплом — дешёвым, казённым, исходящим от масляного радиатора, который шипел и потрескивал в углу, как старый кот. Пахло картоном, скотчем и пылью коробок с вещами, которые прошли через этот пункт и разъехались по своим адресам.

— О, Фёдор пришёл, — лениво протянул молодой парень с вечно сонным лицом и жидкими усиками, которые он отращивал уже полгода без особого успеха. Он сидел на подоконнике, болтая ногами, и листал ленту в телефоне. — А мы уж думали, ты сегодня не явишься. Вчера-то как?

— Нормально, Игорёк, как всегда, — коротко ответил Айгашев, не вдаваясь в подробности.

Он потёр щеку и заметил кровь на пальцах: его руки слегка дрожали, когда он брился, и он порезался.

— Фёдор, подойди, — позвал из-за стойки хозяин пункта, пожилой дядька, которого все звали Михеич.

Михеич был одним из немногих, кто относился к Фёдору без издёвки. Когда несколько месяцев назад Айгашев впервые переступил порог этого пункта — с пакетом дешёвого пива и запахом перегара, — Михеич мог бы просто выставить его за дверь. Но не выставил. Дал подписать договор как внештатнику, объяснил правила. А однажды, когда Фёдор заболел и не отвечал на звонки, приехал к нему домой, привёз суп в термосе и сказал только: «Живой? Ну и ладно. Через пару дней выходи, работа для тебя есть».

— Заказов сегодня мало, — сказал Михеич, постукивая пальцем по монитору. — С утра разобрали почти всё. Остался один.

Он повернул экран так, чтобы Фёдор увидел.

— Коттеджный посёлок «Нордвуд». Я проезжал там как-то. Километров двадцать от города. Глухое место. Час на электричке до станции «Дубовые рощи», потом пешком через лесополосу, так как автобус не ходит. Посёлок новый, и адреса там путанные, многие дома не подписаны, а местные не факт, что помогут. Если их встретишь, конечно. Поедешь?

— Один заказ? — переспросил Фёдор. — А больше ничего?

— Больше ничего, — развёл руками Михеич.

Из угла послышался сдавленный смешок. Фёдор обернулся. Кроме Игорька, в пункте был ещё Лёха — коренастый, с бычьей шеей и вечно недовольным лицом. Он стоял у стеллажа с коробками и делал вид, что проверяет маркировку, но на самом деле следил за разговором.

— Слышь, Айгашев, — сказал Лёха, не поднимая головы, — не выпендривайся? Работа есть работа. Или тебе только до ларька ходить?

— Заткнись, Лёха, — беззлобно, но твёрдо сказал Михеич.

— А чего я? — Лёха поднял руки, изображая невинность. — Я ж как лучше. Фёдор у нас самый выносливый, ему не привыкать. И потом, там же коробка маленькая. Не тяжело будет.

— Сам бы и отвёз, — буркнул Игорёк, не отрываясь от телефона.

— А у меня на вечер планы, — отрезал Лёха. — И потом, у меня машина. Туда мне по пробкам — полдня. А Фёдор на электричке быстренько. Он мужик не гордый.

Фёдор молчал. Он прекрасно понимал, что происходит. С самого его появления в пункте они относились к нему как к отбросу: то «алкашом» назовут вполголоса, то «забудут», где коробка с его заказом, то график составят так, чтобы Фёдору доставались самые неудобные адреса. Сегодня был очередной эпизод этой тихой травли. Но самое обидное было даже не в этом. Самое обидное было в том, что они ничем не были лучше его. Возможно, это их и злило. Тем не менее, Фёдор не стал бы терпеть таких издевательств, если бы не возможность быстро заработать, зачастую наличными и без лишних вопросов. И Айгашев держался за это место, даже ценой такого унижения.

— Фёдор, — Михеич положил руку ему на плечо. — Я понимаю, что далеко. И погода дрянь. Но, сам видишь, других заказов нет. До конца следующей недели мне нечего тебе предложить. Если поедешь — получишь и за доставку, и небольшую премию от меня лично.

Михеич не давил, но и не отпускал. Он хотел, чтобы Фёдор сам согласился.

— А там кто заказывал? — спросил Фёдор, глядя на коробку.

Она была небольшой, в коричневой картонной коробке, перетянутой скотчем. Никаких опознавательных знаков. Только адрес на квитанции, написанный от руки кривым, торопливым почерком.

— Без понятия, — пожал плечами Михеич. — Клиент. Тебе только привезти, вручить — нам придет оплата, и всё.

— Может, там бомба? — усмехнулся Лёха.

— А вот если ты не заткнёшься, я тебя заставлю сегодня склад перебирать, — не повышая голоса, сказал Михеич. Лёха тут же замолк и отвернулся к стеллажу.

Фёдор смотрел на коробку. Осенний дождь барабанил по крыше. Где-то далеко, за стёклами, прогудела электричка. Звук низкий, тоскливый, обещающий долгую дорогу.

— Ладно, — сказал он наконец. — Поеду.

— Вот и молодец, — Михеич облегчённо выдохнул и хлопнул его по плечу. — Я в тебя верю.

Фёдор взял коробку. Она была на удивление лёгкой.

— Электричка через полчаса, примерно, — сказал он, взглянув на часы. — Успею.

— Может, зонт возьмёшь? — спросил Михеич.

— Не надо, — Фёдор натянул капюшон, под которым скрылось его бледное, с нездоровым румянцем лицо. — Я привыкший.

Он вышел под дождь, и дверь за ним закрылась с мягким, почти ласковым стуком.

Лёха тут же повернулся к Игорьку:

— Слыхал? Кудрявый рассказывал в Чехове два курьера пропали. Такие же, как этот, алконавты.

— Нашел кого слушать, — лениво бросил Игорёк.

Михеич ничего не сказал. Он смотрел в окно, где серая фигура Фёдора быстро таяла в пелене дождя, и думал о чём-то своём — о том, что этот странный, тихий мужик, который

почти никогда не улыбается и не жалуется, заслуживает большего, чем издевательства Лёхи и злой смех Игорька. Но что он, Михеич, мог сделать? Только дать работу. Остальное — не в его власти.

А на улице Айгашев шагал к станции, придерживая сумку с коробкой, и старался не думать о том, что где-то в кармане куртки лежит скомканная пятахатка — всё, что у него осталось до следующей полочки. Дождь усилился. Электричка ещё не пришла, но Фёдор уже слышал её гудок — далёкий, почти жалобный, как стон. И почему-то ему показалось, что этот гудок — предупреждение. Но он всё равно в неё сел.

Глава 3

Добравшись до нужной станции, Айгашев вышел на пустынный перрон. Тусклое осеннее солнце, словно усталое от жаркого лета, робко пыталось пробиться сквозь свинцовые облака, добавляя уныния в окружающий пейзаж. Ветер, пронизывающий и жестокий, с силой швырял мелкие капли дождя в лицо Фёдора, заставляя его ёжиться в лёгкой куртке, которая не могла защитить от сырости и холода. Серое небо сливалось с пожелтевшей травой, создавая гнетущую атмосферу. От станции ему пришлось пройти еще пару километров пешком, пока он не достиг цели. Фёдор, сжимая в руках потертую сумку, подошел к въезду в посёлок. Шлагбаум был поднят, и в стороже никого не было.

- Уже неплохо. Не придётся препираться с охранником и объяснять ему, что к чему – подумал Фёдор.

Он прошёл ворота и огляделся. Посёлок, раскинувшийся перед ним, выглядел как скопление однообразных домов, будто вырезанных из серого камня, с одинаковыми черепичными крышами. Многие из этих зданий выглядели необитаемыми, их безликие фасады и окна, устремленные в даль, излучали тоску и запустение. Айгашев уже готовился к долгим поискам нужного адреса, когда его взгляд зацепился за нечто, что резко выделялось на фоне однообразных серых зданий. Немного поодаль, словно изгой, сторонящийся остальной братии, возвышался особняк. Этот мрачный и внушительный дом, как бы отрицающий всё, что его окружало, притягивал к себе внимание. Чёрные, остроконечные башни врезались в безрадостное небо, а узкие окна казались пустыми глазницами, в которых застыла вековая тоска. Готические черты здания, стрельчатые арки и резные каменные украшения напоминали древний замок, окутанный тайной и мраком. Федор почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он безошибочно понял — это именно то место, куда ему нужно. Айгашев ещё постоял мгновение, потом перехватил сумку поудобнее и двинулся вперёд, чувствуя, как хлопает вода под подошвами с неприятным, вязким звуком. Воздух становился плотнее с каждым шагом. Казалось, особняк давил на пространство вокруг себя, сжимая его, делая воздух густым. Фёдор подошёл к воротам и посмотрел на закреплённую на них табличку. Он не ошибся: адрес совпадал с написанным в его квитанции. Однако, мрачное настроение Фёдора быстро улетучилось, когда он услышал, как из дома зазвучала жизнерадостная музыка, резко контрастирующая с атмосферой вокруг. Федор, почувствовав прилив сил, подошёл ближе и нажал на звонок. Но ему никто не открыл.

— Пятницу, наверное, уже отмечают, — одобрительно покачал головой Федор, пытаясь оправдать отсутствие реакции.

Подождав с минуту, он позвонил снова, и в этот раз более настойчиво. Однако к нему по-прежнему никто не вышел, а музыка стала звучать заметно громче. Вариантов было немного: попробовать дождаться, когда кто-то выйдет из дома или отреагирует на его звонки, или повернуть назад, отвезти посылку в пункт выдачи и не получить своих денег. Немного подумав, Айгашев выбрал третий вариант. Он решил перелезть через забор и пройти к дому. Конечно, риск, что его схватят за незаконное вторжение или на него, нападет сторожевой пёс, был велик. С другой стороны, Фёдор сохранил остатки уважения к себе. Он не собирался сидеть у калитки несколько часов или лишать себя заслуженного заработка. В конце концов, он проделал долгий путь, чтобы сюда добраться, и не виноват, что ему не открывают. К тому же, из низко нависших над землёй облаков начал накрапывать довольно неприятный дождь. Федор подумал, что если сможет подтянуться на воротах, то потом просто перевалится на другую сторону. Он уже приготовился к такому смелому шагу, как неожиданно в калитке что-то щёлкнуло, и она открылась. Не теряя времени, Айгашев вошёл во двор и оказался на посыпанной кирпичной крошкой дорожке, ведущей к величественному особняку. Федор подошёл к входу. Как оказалось,

музыка, которую он слышал у калитки, доносилась из приоткрытого окна второго этажа. Но теперь оттуда слышались ещё чьи-то голоса и смех.

— Вот почему они не слышали звонка, видимо, все наверху, а потом в камеру меня заметили, — подумал он и дёрнул ручку входной двери.

Дверь оказалась не запертой. Айгашев остановился в прихожей, при этом придержав дверь рукой, и громко крикнул:

— Здравствуйте, я привез посылку. Кому её можно отдать?

Музыка и голоса на втором этаже сразу стихли, а через мгновение оттуда послышался приятный женский голос:

— Да, да, проходите сюда по лестнице, я вас жду.

Фёдору показалось несколько странным, что никто не стал спускаться к нему, но он снял с себя сумку, взял оттуда посылку и прошёл к широкой деревянной лестнице. По дороге он осмотрелся.

Гостиная особняка представляла собой парадоксальное смешение классического стиля и самых современных технологий. У самого входа стоял рыцарь в полных доспехах. Тяжёлые латы тускло поблескивали в свете люстры, а в шлеме с опущенным забралом, через узкие прорези для глаз мерцал загадочный отблеск. В правой руке рыцарь сжимал длинную пику, остриё которой было направлено в пол, но поза выдавала готовность в любой момент привести оружие в боевую позицию. Казалось, он не просто украшение, а настоящий страж, поставленный охранять этот дом. В центре, словно древний языческий алтарь, возвышался массивный камин из чёрного мрамора, украшенный резьбой, изображающей сцены из забытых, едва ли не оккультных ритуалов. Висящая под потолком бронзовая люстра отбрасывала тревожные блики на стены, где висели картины. Холсты впечатляли мастерством работы и разнообразием сюжетов: потемневшие от времени полотна демонстрировали разрушенные замки под багровым небом, одинокие фигуры в тёмных длинных одеждах, и странных существ, чьи черты были размыты, и оставляли лишь гнетущее ощущение. Но стоило отвести взгляд от этих мрачных шедевров, как становились видны контрастирующие с ними элементы. Неприметно, но органично вписанные в классический интерьер, располагались образцы футуристического дизайна. Гладкие, словно покрытые жидким зеркалом, панели на стенах таили в себе скрытые системы освещения, способные менять цвет и интенсивность, подстраиваясь под настроение обитателей. А в углу, где, казалось бы, уместен был бы старинный книжный шкаф, возвышалась колонна из тёмного глянцевого пластика, излучающая слабое синее свечение – центр аудиосистемы высочайшего класса. Эта аудиосистема завораживала своей безупречной эстетикой и обещанием совершенного звука. Сабвуферы, скрытые в массивной мебели, и колонки, чьи мембраны были едва различимы сквозь тончайшую ткань, гарантировали, что любой звук, будь то торжественная органная музыка или гениальное соло на электрогитаре, будет воспроизведён с кристальной чистотой, заставляя дрожать не только стены, но и само пространство. Фёдор очнулся и, вспомнив, зачем он здесь, быстро поднялся по лестнице на второй этаж. Он оказался в ещё одной большой, освещенной только светом из окна, гостиной. По какой-то причине окна были только с одной стороны, поэтому, и без того тусклое освещение было неравномерным. Айгашев ожидал увидеть здесь компанию веселящихся людей, но гостиная была пуста. Тяжёлые портьеры застыли неподвижно, будто сделаны не из ткани. Мебель — массивная, тёмная, с резными ножками — стояла в идеальном порядке, как в музее. Тишина, густая и плотная, как кисель, обволакивала всё пространство. В этот момент, с первого этажа раздался сухой, металлический щелчок замка. Фёдор вздрогнул. А следом, словно по команде, жалюзи на всех окнах поползли вниз. Солнечный свет стал меркнуть, потом погасли отблески на стенах, и наконец комната погрузилась в полумрак, сквозь который едва пробивались тонкие полосы света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.